

ОБШИРНА Ратушная площадь Копенгагена. Богата она достопримечательностями, приковывающими взгляды многочисленных туристов, которых в это время года, пожалуй, больше в несколько раз, чем самих копенгагенцев. Все броско, и лишь один памятник незаметен, затертый плотной пеленой тени от нависших над ним ветвей разросшегося дерева.

Укрывшись от солнца, на скамье сидит человек в шуртке, в шляпе с высокой тульей. Он только что прогуливался по аллеям и присел отдохнуть, понаблюдать за прохожими. Вспомохи разноцветных лампочек, вой сирен и грохот музыки заставили его обернуться — что там происходит на другой стороне бульвара Андерсена? Легкая улыбка застыла на его лице. О чем он думает? Радуетса безудержному веселью в парке аттракционов Тиволи или в его воображении рождается сказка о соловье, песня которого столь же могуча и прекрасна, как сама жизнь?

По-прежнему, как в ту пору, когда так верится в чудеса, при имени Андерсена у меня в памяти всплывает образ маленького гнома Оле-Лукойе, неслышно проходящего каждым вечером в прелестном неизвестно какого цвета кафтане, с двумя зонтиками под мышкой. «Никто на свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер-то рассказывать!» И все же маленький гном — тоже выдумка мастера сказки Ханса Кристиана Андерсена, на которого он похож разве что своей безграничной добротой, мудростью и в то же время детской жизнерадостностью, удивительным даром видеть чудо даже в запылившемся придорожном цветке. Помните, как по зеленому летнему лугу шагал на длинных ногах аист и болтал «по-египетски», как в королевском дворце цветы устраивали балы, как большой репейник за садовой оградой мечтал попасть в горшок, а маленькая ромашка любила жаворонка?

В Копенгагене много мест, связанных с именем Андерсена. По-прежнему стоит Круглая башня короля Кристиана II, размером с которую были глаза у трех собак, стороживших сокровища колдуна. Найдется и старинный дом, где в камине то ли от любви к прелестной танцовщице, то ли от огня, расплавился Стойкий оловянный солдатик.

И все же не старый Копенгаген с его обвитыми плющом домами на узких улочках зажег в Андерсене волшебный дар.

Чувство неудовлетворенности, сравнимое с ощущением, которое возникает, когда, блуждая в ожидании невероятного по гулким залам древнего дворца, вдруг наткнувшись на закрытую дверь с надписью: «Вход запрещен», толкнуло меня в туристическое бюро при парке Тиволи. Миловидная девушка поставила в тетрадке очередную «галочку», означавшую, что еще один турист обратился за помощью, и выдала мне карту Оденсе. И сразу пахнуло збычим воздухом детства: на обложке нарисован Гадкий утенок и белопенный лебедь, выплывающий из зарослей камыша.

От Копенгагена до Оденсе около двухсот километров. Шоссе, взяв направление на запад, пронесится через города и поселки, нанизанные на него вперемежку с подступающими полями и перелесками, и обрывается на берегу пролива Большой Бельт. Длинной вереницей автофургоны и легковушки втягиваются в раскрывшую пасть парому, чтобы через час вновь привычно отсчитывать километры уже по острову Фюн, где и обосновался во времена стародавние Оденсе — родина Андерсена.

В детстве Андерсена Оденсе был вторым по величине городом Дании, за что частенько его величали «малым Копенгагеном». Впервые он упоминается

в 988 году, когда епископ Оденский получил «охранную грамоту» от одного из германских князей по имени Отто. И все же это была провинция, хотя и удачливая в торговле. Моряки с парусных кораблей, заходивших в порт по построенному на рубеже XIX века каналу, приносили сюда аромат заморских стран, невероятные истории.

Близость моря, очевидно, способствовала расцвету в Оденсе искусства резьбы по дереву.

В ГОСТЯХ У СКАЗОЧНИКА

Морские девы, нептун, дельфины и морские коньки, вышедшие из-под резцов местных умельцев, считались лучшими во всей Дании. Раскрашенные яркими красками, они горделиво красовались на носу многих кораблей. Но не только украшением парусников занимались ремесленники. В начале XVI века мастер Клаус Берг создал деревянный алтарь с житиями святых и коленопреклоненными королями, принцами и принцессами, поражавший воображение прихожан своим величием и совершенством. Его и сейчас можно видеть в соборе Святого Кнуда.

В наши дни в Оденсе сохранилось несколько клочков былого города. И если не смотреть поверх крыш, над которыми выплывают в небо высотные дома, можно представить его старинный игрушечный облик, увидев резчиков, везущих свои изделия к пристани, деда Андерсена, раздающего детям фигурки диких зверей, услышать песни загулявших матросов, стук сапожных молотков. 2 апреля 1805 года в Оденсе в семье сапожника родился мальчик, которого назвали Ханс Кристиан. Это событие произошло в маленьком доме в переулочке Ханс Йенсенс-страде. Однако это только предположение, потому что родители Андерсена не имели тогда своего дома.

Одноэтажный низенький домик под островерхой крытой черепицей крышей стоит в окружении своих двойников, тесно прижавшись стена к стене. Крохотные комнатки с потолками, до которых без труда дотянешься ладонью. Сейчас под музеем отведено комнат гораздо больше, чем те, которыми, вероятно, пользовалась семья Андерсенов. А во дворе пристроен еще незаметный с переулка павильон.

Фотографии, рисунки, документы обстоятельно повествуют о великом сказочнике. Семья жила очень бедно. В мечтах родители Андерсена видели своего сына портным, очевидно, полагая, что портные живут лучше сапожников. Но его путь освещала явно другая звезда. Еще в раннем детстве он любил пересказывать услышанные от отца и тетушек сказки, добавляя в них от себя много увлекательного. Однажды он попал в театр на спектакль «Дунайская дева» и с тех пор до конца своей жизни сохранил любовь к театру.

Это увлечение потянуло четырнадцатилетнего мальчика в Копенгаген, где он хотел поступить в королевский театр. Но на первых порах вместо театральных подмостков наивному провинциалу пришлось взяться за столлярное дело. Позднее, добившись скромной стипендии, он заканчивает гимназию в Слагельсе, потом копенгагенский университет. Но еще долго романтика портового и ремесленного Оденсе, пробудившего в Андерсене страсть к путешествиям, услышанные в детстве и

много раз пересказанные старому коту Карлу сказки лежали под спудом. Он считал себя кем угодно — танцором, поэтом, драматургом, но только не сказочником. И все же оденская закуска вырвалась наружу. В 1835 году выходит первая книга сказок Андерсена, которая, по его словам, «не встретила особенного одобрения», как, впрочем, и другие произведения писателя. В высшем свете его считали «бедным родственником» в детской литературе, безграмотным сыном сапожника.

В самом большом зале музея Андерсена собраны его книги, изданные на семидесяти девяти языках народов мира. На одной

из полок я обнаружил книги на русском языке. Сказки Андерсена читались и пользовались популярностью в России. В одном из писем переведившей его сказки на русский язык М. Н. Трубниковой он писал: «Я очень рад, что мои произведения читают в великой России, чью цветущую литературу я отчасти знаю, начиная от Карамзина и Пушкина и вплоть до новейшего времени». В России Андерсена не считали «бедным родственником» в литературе.

На стенах этой библиотеки развешены иллюстрации к сказкам, выполненные художниками разных стран. Они как бы соревнуются в мастерстве, в точности изображения героев Андерсена, живущих всего в нескольких шагах, на экране соседнего зала, в мультфильмах для самых маленьких, в виде спектаклей для детей постарше и взрослых. Демонстрируется здесь короткометражный киносюжет из фотографий Андерсена. Он любил сниматься. Снимков собралось так много, что нашли даже ученые, которые решили изучать по ним душевное состояние писателя в разные периоды его жизни. Есть в музее и особенная комната. Через стеклянные двери видна старая мебель — стол, лампочка под абажуром, книжные шкафы, а у самого выхода сваленные грудой потемневшие чемоданы, дорожные сапоги и коробка из-под любимой Андерсеном шляпы. Все выглядит так, будто хозяин только-только вернулся из дальнего путешествия, может быть, в Рим или Париж и куда-то отлучился на секунду. И если набраться терпения и подождать...

В нескольких кварталах от музея Андерсена, ближе к реке Оденсе, в переулке Мюнкемёле, что значит монашеская мельница, стоит еще один дом, всего в две комнатки, где Андерсен провел детство и отрочество. Здесь разместился совсем крохотный музей. Служительница музея, как оказалось, живет тут же, за стеной в соседнем доме. Кто знает, может, ее дед знал Андерсенов? Я спросил наудачу. Но — нет. Семья здесь не столь давно.

Спускался по переулку к реке, я все надеялся увидеть большие деревянные гщики, поставленные на карниз крыши двух смежных домов, так что «от окна одной семьи к окну другой протянулись две цветущие грядки» с розовыми кустами. Но, к своему огорчению, не обнаружил, хотя столько роз, сколько их в Оденсе, я не видел ни в Копенгагене, ни по дороге сюда, на остров Фюн. Но все-таки маленькая Герда отправилась на поиски своего друга Кая, похищенного злой Снежной королевой, именно по реке Оденсе, неподалеку от которой жил Ханс Кристиан Андерсен.

А. СЫЧЕВ,
соб. корр. «Известий».

ОДЕНСЕ — КОПЕНГАГЕН.